

От редакторов

Молодежный вопрос: смена оптики. От субкультур - к солидарностям

В сборнике, который вы держите в руках, собраны статьи и эссе, подготовленные начинающими исследователями в рамках проектов «Новые социальные движения молодежи» и «Новые молодежные солидарности в глобальном и локальном контексте: экономика, политика, культура»¹. Когда сборник только начинал готовиться, большинство авторов были студентами и магистрантами, к моменту выхода книги - многие из них уже стали молодыми учеными и специалистами.

Поворот к исследованию новых молодежных солидарностей произошел не случайно. Последние пять лет мы наблюдаем существенные трансформации форм молодежных социальностей. Существующие подходы концептуализации групповых молодежных идентичностей, такие как неформальные группы, социальные движения, активизм, субкультуры, альтернатива, в недостаточной мере отражают серьезные изменения, произошедшие на молодежных культурных сценах России нового тысячелетия. Финансовый кризис 2007-2008 годов стал своего рода критическим моментом и точкой отсчета в переформатировании молодежного пространства. Взросление и социализации молодежи в период относительной стабильности «сытых» нулевых проходили в другой социально-культурной атмосфере. Формировались прагматически ориентированные стратегии, сопряженные с высоким уровнем лояльности к существующей власти, завышенными притязаниями к позициям на рынке труда, высокими карьерными амбициями и достаточно высоким уровнем недоверия к силовым структурам власти (исключая Президента), апатией в отношении официальной (публичной) политики и социальным невмешательством (пофигизмом). Череды цветных революций на пространстве бывшего СССР и хаотичные волнения молодежи (Кандопога 2006, Манежная площадь 2002) в целом не привели к существенным изменениям в характере включения российской молодежи в социальные

¹ Проекты выполнены в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2010 и 2011 годах творческими коллективами Центра Молодежных Исследований (НИУ ВШЭ Санкт-Петербург) при участии НИЦ «Регион» (Ульяновский Государственный Университет).

институты и политическую систему. Активное широкомасштабное молодежное партстроительство (Идущие вместе, Местные, НАШИ и другие подобные им) было вызвано скорее фантомными страхами (реальными или надуманными) «необходимости предотвращения цветных революций» и способом мобилизации бюджетных ресурсов, чем реальными опасностями возможной радикализации молодежной среды. Своего рода точка в продолжении именно такого рода тенденций была поставлена Манежкой 2010 года.

Новые тенденции становились все более очевидными, они требовали переосмысления конструкта молодежного вопроса 2000-х.

Молодежь на протяжении всего 20 века и по сей день остается одной из основных аудиторий политических экспериментов и мобилизаций как в России, так и в других современных государствах. Ключевой характеристикой молодежи, как социальной группы, остается ее зависимость, относительное бесправие по отношению к властным дискурсам (государства, СМИ), в рамках которых конструируются ее «характерные» черты, а также политик воспитания, применяемых к ней, политических режимов, которые юноши и девушки застают на момент рождения. Конструкты молодости и молодежи, так же как и возрастные границы определения менялись во все времена, продолжают меняться и сегодня. Молодые – те, кому принадлежит будущее, надежда и авангард преобразований, инноваторы и криейторы, барометр революций, неуправляемая группа риска, переживающая период «шторма и натиска», провокатор моральных паник, потенциально опасная, экстремистки ориентированная и протестная группа, маргинальная группа, жертва общества потребления... Этот список можно продолжить.

Когда ставится вопрос, что молодежь важно изучать, сразу хочется спросить – а для кого это важно, нужно, для кого молодежь является проблемой? На первый взгляд может показаться, что это неуместные для исследователя молодежи вопросы, однако подобный разворот темы помогает увидеть ключевые сложности, с которыми в той или иной степени сталкивается всякий исследователь, не важно, начинающий или опытный.

Молодежь, в качестве особого объекта внимания и анализа «появляется» в повестке дня социальных исследователей к середине 20 века. Ее обнаружение связано с рядом причин. В контексте западной академической традиции, принято считать, что молодежи до конца 19 века, как некоей определяемой и узнаваемой (визуально и концептуально) группы не существовало, так как не было ни особого пространства, которое бы оккупировалось преимущественно молодежью, ни специфических молодежных практик. Молодежь «не существовала» ни как сформировавшийся потребительский,

ни как политический субъект. Молодые – это были некие недо/взрослые, среднее состояние между детством и взрослостью. Они с юных лет включались в работу по домашнему хозяйству, а потом и во взрослую жизнь со всеми ее социальными приметам и обязательствами. Молодежь, как выделяемая социальная группа появляется на улицах растущих городов вместе с бурными процессами индустриализации, и сразу – как новая «социальная проблема», как новые «дети улиц», источник опасности и тревоги. В результате разрушения традиционных хозяйств и соседств, в рамках которых взросление проходило практически «органично» через наследование родительских культур и структурных позиций семьи, с соответствующими им нормами, моральными обязательствами и приписанными статусу публичными проявлениями (одежда, манеры, потребление, сленг, повседневные практики), происходят резкие изменения в путях и способах социализации молодых, особенностях их вписывания в меняющиеся социальные системы. Иначе говоря, «видимая» молодежь становится объектом пристального внимания и контроля со стороны различных социальных наставников и контролеров – государственных молодежных проектов и программ, ориентированных на патронирование процессов взросления и регулирование социального порядка. Подходы к позиционированию молодежи до середины 80-х годов прошлого века кардинально различались по разные стороны железного занавеса.

В СССР молодежь провозглашается миссией и надеждой прогрессивного человечества на реализацию идеи светлого коммунистического завтра, авангардом модернизационных преобразований, «строителями коммунизма». В соответствии с ленинскими идеями строится система воспитания подрастающего поколения. Ключевая идея – формирование морально нравственного облика человека «светлого завтра» с фокусом на приоритет духовных ценностей над материальными, коллективного над индивидуальным. Создается развернутая система государственно-партийного патронажа взросления, ориентированная на последовательное воспитание обостренного патриотического сознания, готовность к последовательному отстаиванию этих ценностей в борьбе с внешними и внутренними врагами советского общества. Крушение советского режима, с одной стороны, существенно поменяло вектора политического и социологического взгляда на молодежь. Из творцов светлого будущего они быстро были перепозиционированы в «основной фактор риска» поступательного развития общества, угрозу национальной безопасности.

По другую сторону железного занавеса, на Западе молодежь практически с момента своего социального «рождения» вызывала моральные

паники по поводу возрастания субкультурной активности, роста протестных настроений и расширения потребительской инфраструктуры ориентированной на молодежную аудиторию. Особую тревогу вызвали студенческие революции, прокатившиеся в конце 60-х годов практически по всем европейским столицам (Париж, Берлин, Рим, Прага), а также студенческим кампусами большинства ведущих американских университетов.

Этот краткий исторический экскурс важен для понимания особого контекста, в котором располагается сегодня молодежная тема. В современном отечественном академическом конструкте молодежного вопроса можно найти приметы подходов, унаследованных как от советского прошлого, так и от западного «проблемного» периода. Многие из базовых посылов проблемного подхода к молодежи оказываются достаточно живучими, характерные для них приметы можно, в том или ином виде, обнаружить и в современных академических исследовательских текстах. Наиболее примечательные из них:

- живучесть проблемного взгляда на молодежь, когда юношам и девушкам приписываются особые качества «переходного» возраста, с обязательными, психо-физиологически обусловленными кризисами и конфликтами. Наделение юношей и девушек склонностью к социальным девиациям и, соответственно, требованием особого контроля и прямого политического управления процессами социализации;
- тесное переплетение государственно-политического и административно-бюрократического взгляда на молодежь с «научным». Использование суждений морального «долга молодежи перед обществом», обязательств нести ответственность за будущее страны, или оборотов, отягощенных позицией власти взрослого, знающего как, чему и какими способами следует молодежь социализировать;
- описание и презентация молодежи в качестве гомогенной группы, вне зависимости от особенностей индивидуальных и групповых идентичностей, гендерной специфики, географических локаций (столица-провинция-город-село), структурных позиций (богатые-бедные-средний класс), типов и форм занятости (работа - учеба: платное/бюджетное), этно-религиозных различий, субкультурной принадлежности, других современных форм социальных различий и исключений.

Мы в своих исследованиях стремимся придерживаться других позиций в понимании молодежной темы и молодежного вопроса². Этот подход предполагает последовательную критику биополитических конструктов,

² См. публикации Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ Санкт-Петербург (<http://youth.hse.spb.ru>), Научно-исследовательского центра «Регион» Ульяновского Государственного Университета (www.regioncentre.ru).

перенос фокусов исследования с поиска проблемной молодежи на вопросы, которые формулируются самой молодежью в качестве актуальных и важных для реализации их индивидуальных и групповых интересов³.

Сегодняшние дебаты вокруг различных форм молодежной активности находятся в самом разгаре. Последние события как в России, так и в «старой» и «новой» Европе вернули молодежный вопрос на первые позиции политических и академических повесток дня. Ею интересуются на государственных уровнях, разрабатываются стратегии молодежных политик, программы патриотического воспитания, ведется поиск новых идеологем «духовно-нравственного воспитания молодежи». Большая часть подобных документов фокусируется на «политическом» измерении молодежной активности. Государство не столько интересуется молодежной реальностью, сколько ищет механизмы мобилизации (прежде всего политической) молодежного ресурса для выхода из глубокого общественного кризиса, усиленного глобальной финансово-экономической рецессией.

Попытки «подправить» общественные настроения и ценностные миры за счет молодежной мобилизации характерны сегодня далеко не только для России. Политики «навязываемой молодежи политизации» воспринимаются в молодежной среде по-разному: от прагматического использования – до открытого сопротивления, кремлевские проекты открыто признаются неэффективными, однако молодежное экспериментирование продолжается. В фокусе внимания, сопровождающегося моральными паниками, оказываются то «субкультурчики, подрывающие морально-нравственные устои», то «молодые, несовершеннолетние мамы», то «молодежь, избегающая ответственности за будущее России и предпочитающая гражданские браки», то политически пассивная и граждански апатичная молодежь... Молодых пытаются «лечить» разными способами – военной подготовкой, уроками по основам религиозного знания, патриотическим воспитанием. При этом часто за границей интереса остаются реальные проблемы молодежи, включенной (как и их родители и другие «взрослые») в разные страты, пространства, культуры.

Современная молодежь по-разному убегает от взрослого контроля, оккупируя собственные культурные и политические площадки (он- и офф-лайн), включаясь

³ См. Omel'chenko, E., Pilkington, H. and Garifzianova, A. (eds.) *Russia's Skinheads: Exploring and Rethinking Subcultural Lives*, London and New York: Routledge, 2010; В тени тела /под ред. Н. Нартовой, Е. Омельченко. - Ульяновск: Изд-во Ульяновского государственного университета, 2008; Н. Гончарова, О. Доброштан, И. Костерина, Ж. Лукьянова, Е. Омельченко, Э. Шарифуллина. *Нормальная молодежь: пиво, тусовка, наркотики* /Под ред. Е. Омельченко. - Ульяновск: Изд-во Ульяновского государственного университета, 2005; Х. Пилкингтон, Е. Омельченко, М. Флинн, У. Блюдина, Е. Старкова. *Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры* /Перевод с английского О. Оберемко и У. Блюдиной. -СПб.: Алетея, 2004; Е. Омельченко. *Молодежь. Открытый вопрос.* - Ульяновск: Изд-во «Симбирская книга», 2004; Е. Омельченко. *Молодежные культуры и субкультуры.* - Москва: Изд-во «Институт социологии РАН», 2000; У. Блюдина, Н. Кремнева, Е. Лукьянова, Е. Омельченко, Г. Сабирова, Н. Смирнова, И. Тартаковская, Л. Шкляр. *Героинашеговремени. Социологические очерки* / Под ред. Е. Омельченко. - Ульяновск: Издательство Государственного научного учреждения «Средневолжский научный центр», 2000.

в социальные сети и солидарности, театрализуя собственную повседневность самыми причудливыми способами. Так называемый молодежный активизм переключался с середины 90-х прошлого века из политики (в ее традиционном смысле) на территории молодежных культур. Социальный (публичный) капитал компаний и сообществ в виртуальных сетях становится не менее, если не более значимым, чем характеристики формального статуса и социальная позиция.

Субкультуры – одно из самых ярких открытий «молодежи» в XX веке. В классических теориях они представлялись культурами различных молодежных меньшинств в пределах плюралистических обществ, аутентичными формами, независимыми идентичностями, отражавшими новые измерения послевоенной классовой структуры, стилистические различия которых объяснялись разрывом преемственности в воспроизводстве классовых культур. Внимание уделялось раскодированию значений различных стилей одежды, музыки, территориальности и других языков взаимодействия внутри групп сверстников. Ближе к концу века субкультурные теории начинают подвергаться серьезной критике, современные западные социологи заговорили о «постсубкультурах», о «смерти субкультур», о рождении новых молодежных «племен», отличающихся текучестью, прозрачностью границ, временным и ненадежным характером соединений. В современной России, как и любой другой стране, включенной в глобальное пространство, с остатками «старых» мини-групп соседствуют имитаторы, примкнувшие, туристические экспонаты «а-ля субкультурщики»⁴.

В рамках исследований, проводимых нашими центрами, субкультурная идентичность представлялась уже не столько в «классических» терминах классовой принадлежности, сколько в терминах выбора жизненного стиля. Уже к концу XX века субкультурное разнообразие российской молодежной сцены походило на «временные объединения», которые западные ученые связывали с последствиями глубинных изменений в обществах потребления позднего модерна, приведших к возникновению «постмодерных субкультур». Новые группы отличались от послевоенных тем, что они с трудом подходили под привычные имена, не были связаны с определенным стилем, границы между ними казались проницаемыми.

Молодежные солидарности – один из новых терминов, используемых для описания современной молодежной социальности. Этот термин представляется более адекватным для описания различных типов молодежных формирований, которые отличаются множеством измерений:

⁴ Творческий коллектив НИЦ «Регион» с конца 1990-х годов начинает активно включаться в академические дискуссии об «особой» судьбе российских молодежных «субкультур», их пространствах, мерах аутентичности, перспективах, сегодня эти исследовательские традиции продолжают также и в рамках исследований Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ (СПб).

гендерным, стилевым, субкультурным. Солидарные формирования могут охватывать различные молодежные группы в офф- и он-лайн, быть реальными или воображаемыми, временными и более постоянными, включать в себя различные субкультуры и не иметь к субкультурам отношения. Самым значимым для такого рода групповых идентичностей становится практикуемый жизненный стиль (включая потребление, но к нему не сводящийся), а также солидарное представление о группах – антиподах.

Социальные исследования российской молодежи переживают сегодня серьезный кризис. С одной стороны продолжает воспроизводиться советский вариант структурно-функционального анализа молодежи с преобладанием социально-демографического позиционирования, биополитическим конструктором молодости, акцентирующем проблемный, девиантный характер любых форм подростково-молодежной инаковости.

С другой стороны – постперестроечные модификации этого подхода излишне подчеркивают кризисный характер современных условий взросления, настаивая на повышенном риске, рассматривая молодежь в качестве одного из основных факторов нестабильности, в качестве угрозы процветанию и будущему здоровью нации.

Пришло время переосмыслить новый статус молодежи в обществе. Пора отказаться от любого принципа унификации этой сложной социальной группы, когда сущность трансформаций современного молодежного пространства сводится к одному, пусть и действительно значимому признаку. Следует избегать как идеализации молодежи (как это было в советский период), так и проблематизации молодежи (в западной послевоенной и отечественной постперестроечной литературе), нужно искать новые подходы, внутри которых можно было бы разместить современные практики, не имеющие аналогов или образцов в прошлых поколениях.

Многообразие молодежного пространства не сводится исключительно к различным типам молодежных солидарностей. Как и во все времена, особые, в той или иной степени эпатажные молодежные группы находятся в меньшинстве и далеко не полностью определяют векторы развития. Для них, как и для всей молодежи, включая мейнстримные группы, важны общие проблемы нового времени – растущая молодежная безработица, жесткое социальное расслоение, усложнение стартовых условий вхождения в жизнь, использование новых социально-культурных ресурсов, доступность качественного образования, освоение семейных и гендерных ролей, ответы на государственные или политические интервенции, политическая и гражданская апатия/недоверие. Эти

вопросы напрямую не связаны с классическими структурными признаками – социальным происхождением, гендером, этничностью, территорией проживания и т.п.

В условиях растущей неопределенности и риска во всех сферах жизни, не только в отношении молодежи, развиваются новые жизненные стратегии, ориентированные на индивидуальный успех. Эти стратегии сопровождаются ростом популярности новых форм псевдо/коллективности, сетевых виртуальных сообществ, восполняющих недостаток интимности и искренности, помогающих пусть хотя бы и воображаемому или символическому преодолению растущей атомизации.

На формирование новых форм социальности сказывается разнообразие стилей жизни, выбираемых и практикуемых теми или иными группами молодежи. Стиль жизни становится значимым социальным ресурсом современности, вместе с этим снижается значимость унаследованного социального и культурного капитала родителей. Не менее значимым для понимания контекстов молодежных солидарностей современности становится культурно-географический ландшафт, локальные карты молодежных культурных сцен различных регионов и территорий, особые приметы которых могут зависеть от экономической ситуации, культурных инфраструктур, политических климатов, циркулирующих дискурсов, этно-религиозных особенностей и многого другого. Так, например, разительно отличаются стили жизни сельских и городских тусовок, молодежи российских периферий, мегаполисов или столиц. По-новому расшифровываются смыслы глобальных и локальных включений в те или иные солидарные или субкультурные активности.

Трудно, да и вряд ли возможно охватить все нюансы современной молодежной жизни. Важно, что молодежь – это один из самых привлекательных и интересных сюжетов для исследовательского анализа. Важно, чтобы эти исследования становились более открытыми для голосов самой молодежи, чтобы учитывали молодежную разность и были в минимальной степени политически ангажированными проектами, ориентированными на «исправление» неправильных молодых и неправильной молодости.

В чем привлекательность солидарного подхода? На современных молодежных культурных сценах существуют некоторые идейные векторы, вокруг которых консолидируется молодежь, принадлежащая к разным субкультурам, движениям, группировкам. Так, на данный момент, одним из наиболее потенциально сильных фокусов социальной солидаризации определенных сообществ «альтернативной» молодежи являются антикапиталистические настроения, среди других векторов:

коллективизм-индивидуализм; пацифизм-воинственность; анархизм-порядок; тоталитаризм-демократия; патриархат-гендерное равенство, потребительство-аскетизм. Особенность современных российских молодежных практик участия в социальных движениях заключается в усилении значения сетевых сообществ и пространства Интернет для мобилизации и поддержания организационных структур. Солидарный подход помогает увидеть особенности не только внутригрупповых, но межгрупповых коммуникаций, описать «буферные» пространства перехода. Излишняя концентрация внимания на субкультурных группах с привычными медийными именами, затрудняли понимание все более усложняющихся взаимоотношений между культурным меньшинством и большинством (продвинутой и нормальной молодежью), молодежным мейнстримом и отдельными группами, «культурный разговор» различных молодежных групп друг с другом. Использование солидарного подхода позволяет выйти на основные линии ценностно-культурных напряжений в межгрупповых коммуникациях, сделать акцент на особенностях симпатий и вражды внутри молодежного пространства. Интенсивность притяжений и отталкиваний (напряжений внутри межгрупповых коммуникаций) позволяет судить о ключевых ценностях и идеях, вокруг которых разворачивается символическая борьба. В этой борьбе отражаются как собственные поиски групповой и индивидуальной аутентичности, так и степень (мера) влияния дискурсивных практик (государственных, политических, медиа) на отдельных индивидов и группы в целом.

Итак, в молодежной среде первого десятилетия XXI века произошли серьезные изменения, появились новые культурные и социальные формы выражения молодых поисков и экспериментирования. Статьи данного сборника посвящены некоторым из них. Выбор именно данных молодежных сообществ или практик был обусловлен исследовательскими интересами авторов, а также новизной явления. Причем в данной коллекции текстов, написанных в разной стилистике, есть работы, посвященные поискам молодых в советское время, как например, статья Ивана Суслова, но большая часть описывает повседневность молодых людей - наших современников. Если же говорить в целом и попытаться обобщить эту мозаику молодежных социально-культурных форм, то прежде всего надо отметить, что произошли существенные изменения в характере групповых коммуникаций. Если совсем недавно самым важным было отстаивание субкультурной принадлежности и символическая борьба за «правильных/настоящих» и «неправильных/ненастоящих» приверженцев стиля внутри различных культурных молодежных сцен (содержание «нормального» стилового /субкультурного капитала).

То сегодня более значимой становится борьба за аутентичность и адекватность проигрывания тех или иных культурных ролей во взаимодействии с другими группами.

Использование солидарного подхода помогает увидеть новый тип взаимоотношений между мозаичным, но при этом вполне однородным большинством (мейнстримом) и независимым (либеральным) меньшинством. Эта коммуникация отличается большими стилистическими заимствованиями друг у друга, подвижностью границ между разными типами групповых идентичностей (например, субкультуризация гопничества, и гламуризация панков и др.), разными типами восприятия друг друга. Так отходит в прошлое привычное противопоставление гопников и неформалов. Сегодня на всех городских сценах мы можем наблюдать самые разные интеракции: от соединения и солидарностей стилевых и мейнстримных групп, до отвержения и вражды. Во многом это связано с теми ролями, которые играет городское пространство – будь оно периферийное или центральное. Причем Центр и Периферия являются транслируемыми категориями, не всегда, а часто вовсе не связанными с приписанными городским локальностям значениями. Свои периферии существуют для молодежи внутри самого центра, точно также свои центры существуют и в перифериях – в отдаленных районах или пригородах. Эти символические границы непостоянны, могут меняться в зависимости от практик, на них разворачивающихся, и тех смыслов, которые приписывают местам те группы, которые их оккупируют в данный момент. С одной стороны, мы можем говорить о гопотизации провинции и кретивизации столицы, при этом иметь в виду, что это не значит, что на периферии нет креативных молодежных групп, а в мегаполисах и столицах нет гопнической молодежи. Возрастающую роль в характере коммуникации (солидарности или противостоянии) различных групп играют гендерные режимы различных молодежных сцен, практики презентации гендерной идентичности и сексуальности. Здесь также происходит активное экспериментирование и игра с полом (аниме), продвижение новых сценариев сексуальной свободы (хипстеры) или пропаганда аскезы (стрейтэйджеры), борьба за отстаивание «правильной/нормативной» маскулинности и фемининности (готы, эмо, скинхеды, панки). При этом музыка остается важным средством, формой и практикой выражения ценных для молодежных сообществ смыслов, тому как можно подходить к изучению этого вопроса посвящена статья Максима Кудряшова. С практической стороны важно учитывать не только новые идеи субкультурных молодежных групп, новые формы их активностей, но особые линии напряжений и идейных противостояний внутри молодежного пространства. Социальные эффекты, производимые

теми или иными действиями, имиджами и презентациями культурного меньшинства намного шире и значительней их численности. Зачастую именно в этой среде происходит творческое разрешение основных проблем, конфликтов, характерных для периода взросления. Культурное производство, интеллектуальная рефлексия или политический протест этого экспериментирующего субкультурного меньшинства играют важную роль референции для мейнстримного большинства.

Особое значение в развитии новых форм межгрупповых коммуникаций имеют новые практики переформатирования городского функционала, привычных социальных норм, публичного показа в целом. Мы можем говорить о новых практиках освоения и оккупации мест и территорий. Города все больше становятся визуально молодежными, что важно учитывать при проведении городских политик нового типа. Для молодежи характерны практики переформатирования и переопределения значений и функционала городских мест. Современная российская молодежь, как и везде в продвинутом мире, будет завоевывать себе новые городские пространства, неориентированные на них, именно с целью их переопределения (трейсеры, скейбордисты). Молодежь становится мощным городским субъектом потребления, от включенности в городские практики которого во многом начинает зависеть городской профиль сегодня и его будущее завтра.

Активно формируется новый тип идентичности – «горожанства», когда городской функционал переартикулируется, переформатируется в сторону «новой» власти – самих жителей, в том числе и молодежи. Город осваивается и присваивается разными способами – через открытые перформансы, флеш мобы, новые гражданские проекты. Флеш мобу посвящена статья Ирины Фроловой. Отдельной и часто агрессивной формой завоевания города становятся протестные выступления. Эта публичная коммуникация происходит вокруг проблемы: кому принадлежит город. Более популярными становятся «взрослые» городские игры – стритрейсеры, присваивающие себе ночные трассы городов, бойцовские клубы, встраивающие свои практики в контексты городских парков и зон отдыха, дневные и ночные дозоры (смотри о практиках «Дозора» в статье Татьяны Петровой), устраивающие поиски «кладов» по городским картам, переартикулируя назначения городских строений и площадок, городские путешественники, устраивающие соревнования по типу пионерских зарниц, превращая улицы в пересеченные местности. Центральную роль в коммуникациях нового типа играет Интернет, а именно – социальные сети. Сетевые коммуникации становятся самодостаточными формами общения – не вытесняя и не дополняя реальные, «живые» коммуникативные практики. Внутри сетевых

сообществ и групп устанавливаются свои правила и нормы коммуникаций. Один из новых и показательных Интернет-феноменов - «демотиваторы» описан в статье Евгении Лукьяновой и Дарьи Захаревой.

Отдельный интерес представляют новые формы потребления и коммерциализации. Очевидное потребительство соседствует с «потребительством-стебом», скептическим потребительством и разными видами замещающих практик. Растет популярность секонд – хенда, однако не простого, а винтажно – богемного, стилевого и аутентичного. Появляются новые Интернет-площадки для обмена вещами, один из таких примеров представлен в статье Юлии Игнатенко. Динамика субкультурных рынков сказалась и на изменении потребительских предложений для тех или других групп. Все более обособляются в качестве потребителей эксклюзивных, не массовых товаров современные готы, утонченно замысловатыми становятся потребительские пристрастия поклонников аниме (специфическая одежда, куклы, фильмы, практики кросспола). Хипстеры, пожалуй одна из первых пост гламурных субкультур, формируют спрос на эксклюзивные и при этом как бы вторичные товары (секонд хенд, богемный винтаж, стиб-гламур), становятся одними из самых активных пользователей фото и видео техники, и об этом статья Любви Новиковой в данном сборнике.

На наших глазах происходит формирование новой «современной» патриархальности, что проявляется – как основная идея или отдельная черта солидарности – через самые различные типы молодежных групп. Это может продвигаться как часть новой «протестной», реформаторской, индивидуально-приватной религиозности, или как продвижение идей социального и потребительского аскетизма, как обязательства помощи депривированным и отверженным группам, или как составляющая нового русского патриотизма. В своей статье Елена Кармальская рассматривает, как участники общественно-политических движений воспринимают демографическую политику. Отдельный интерес представляют новые религиозные практики молодежи, которые могут развиваться от приверженности новым формам фундаментализма – до неоязыческих практик. В статье Татьяны Солуяновой рассматривается такой пример православных молодежных организаций Ульяновска.

По-прежнему важное место в современных молодежных культурах играет спорт – происходит молодежная спортизация городов, массовое развитие спортивных культур как таковых, соединение рискованных практик и городского пространства. Наблюдается более активное противостояние внутри традиционных спортивных культур между коммерческим, профессионализирующимся и альтернативным направлениями (натуральными, природными, аутентичными крыльями).

Понятие пост-спорта как раз и фиксирует важные изменения внутри этих субкультурных сцен, спровоцированные широким использованием особой рискованной экзотики этой молодежи для практик культурного корпоратива. Алексей Зиновьев в своей статье рассматривает данный феномен на примере анализа молодежных сообществ, увлекающихся паркурром.

Проведенные нами исследования позволяют выделить некоторые сквозные тренды практик и активностей молодежи, входящей в различные группы и субкультуры. Среди них: экстремальность, стремление к рискованным практикам вплоть до нарушений границ социальных норм и предписаний: от ориентации на здоровый образ жизни – до эпатажных публичных перформансов, нарушений закона и порядка, вызова общественному мнению; *борьба за аутентичность*, стремление быть адекватным, соответствовать внутренним, контекстуальным смыслам «настоящего», быть в теме, в актуальном разделяемом «своими» знании, разоблачать и преодолевать подделки и имитации; *самоконструирование* через создание *перформативной* идентичности (воображаемой, фантазийной, реальной), отказ от стилевых обязательств, приписанных статусу, игровые практики, популярность групповых около интеллектуальных игр, разыгрываемых публично, например, мафия; поиск *новой искренности* и основ доверия: актуализация самопрезентаций; *эстетизация и театрализация* повседневности и публичности через усвоение и использование различных творческих техник и профессиональных навыков.

Эти тренды характерны для самых разных форм групповых коммуникаций, различия кроются в формах воплощения. Так, например, эти черты могут присутствовать и в компаниях новых молодых интеллектуалов (этому посвящена статья Маргариты Кулевой), и в праздновании победы своей команды футбольных фанатов.

P.S.:

В декабре 2011 года на площади российских городов вышла уже другая молодежь. Это были протесты нового качества, среди участников были самые разные молодые. Понять- кто они и что их вывело на площади – задачи будущих исследований. Однако солидарные настроения были очевидны. Молодежь России стала другой и для многих политиков – неизвестной. Некоторые приметы сегодняшних изменений очевидны – рост безработицы (официальной и скрытой) на молодежном рынке труда, расширение зоны платного образования, усложнение социальных лифтов, расслоения между молодежью столичных (финансовых вампиров) и

периферийных (депривированных) территорий, усиление и усложнение миграционных потоков. Другие приметы спрятаны в повседневных практиках проживания, в особенностях жизненных стратегий и карьер современной молодежи, в формировании новых идеалов и ценностей, в определении новых смыслов жизни и представлений о жизненном успехе.

Наши исследования продолжаются.

Омельченко Е., Сабирова Г.